

Анна Селена
КНЯЗЕВА ЛАН

РАЗВОД

Десерт для прокурора

Анна Князева

Развод. Десерт для прокурора

<https://litres.ru/74212967>

Аннотация

ТОЛЬКО ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ!

— Лесь, это не то, как выглядит, это...

— Ага! Вы тут просто чай пили, а заодно сценку репетировали, чтобы в самодеятельности участвовать. Она играла Афродиту, а ты Адониса. Да так вжились в свои роли, что оба разделись. Так?

— Лесь, ну...

— Да пошел ты! — окончательно вспылила я и, замахнувшись, швырнула в него торт. — С годовщиной, говнюк!

Десерт попал прямо на голову муженьку. Белый крем эпично сползал ему на лицо. Казалось, сейчас он больше походил на уличный памятник, над которым долго и усердно кружили голуби.

Книга участвует в литмобе "Красная нить судьбы"

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	36
Глава 4	51
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Глава 1

Пудобнее перехватила торт одной рукой, чтобы найти ключ от домофона. Сегодня ровно год как мы с Витей женаты. Уверена, что он напрочь об этом позабыл, но я не обижаюсь — в этом весь Арсентьев. Ради того, чтобы сделать любимому сюрприз я раньше уехала от родителей, хотя те в свою очередь обижаются, что я редко у них бываю.

На улице было уже достаточно темно, время близилось к ночи. Запищав, дверь открылась, впуская меня внутрь. На створках лифта вновь висела табличка. Вот сколько уже жаловались на него и все бес толку — постоянно не работает. Ступенька за ступенькой поднялась на седьмой этаж, едва ли не вывалив язык на плечо. Дыхание сбилось. Надо бы спортом что ли заняться? А то с отсутствием лифта ощущаю себя загнанной лошады. Решено! С понедельника точно иду в спортзал. Хотя кого я обманываю?

Вставив ключ в замочную скважину, максимально тихо его повернула. Витя точно должен быть дома, все-таки суббота. Поставив торт на обувницу, скинула лодочки. В квартире царил полумрак. Лишь тонкая полоска приглушенного света проглядывала сквозь дверь кухни. Легкая музыка едва слышно играла внутри.

Странно... С каких это пор Витя музыкой увлекся? Он вообще далеко не меломан, там более, что если он что-то и

слушает, то уж точно не лирические песни, а скорее тяжелый рок. Хотя это даже к лучшему — будет куда романтичнее.

Свет включать не стала — сюрприз так сюрприз! Я уже в красках представила его реакцию, когда войду на кухню с тортом в руках. Кстати, торт! Вновь взяв его, шагнула вперед и тут же едва не споткнулась о что-то. Неужели я свои туфли не убрала, когда вчера уезжала? Не может быть! Я точно помню, как переобулась и убрала их на обувницу. А, ладно! Может правда закружилась и только подумала об этом?

Откинув прочь ненужные размышления, прошла дальше. Да что такое! На полу прямо перед дверь валялась какая-то тряпка. Убиться можно, пока до места дойдешь!

Пока не свернула себе шею, быстро открыла дверь кухни. Яркий свет резанул глаза, заставив зажмуриться.

— А-а-а-а! — при моем появлении по квартире разнесся чей-то визг.

Резко открыла глаза, всматриваясь в представшую передо мной картину.

— Леся? Ты... Ты откуда? — нервно задергался Витя, стараясь задвинуть за свою спину голую девицу, которая к этому моменту замолчала и искренне пыталась слиться с занавеской на окне.

— Это я откуда? — стараясь совладать с шоком, выдавила я. — Лучше ты мне скажи, откуда здесь эта лохудра?

— Лесечка, милая, я сейчас тебе все объясню, — Арсентьев хотел двинуться ко мне, но тут же понял свою оплош-

ность. запутавшись в полуспушенных штанах. — Ой...

— Вот тебе и «ой»! Ну ты и мудак, Арсентьев.

— Лесь, это не то, как выглядит, это...

— Ага! Вы тут просто чай пили, а заодно сценку репетировали, чтобы в самодеятельности участвовать. Она играла Афродиту, а ты Адониса. Да так вжились в свои роли, что оба разделись. Так?

— Лесь ну...

— Да пошел ты! — окончательно вспылила я и, замахнувшись, швырнула в него торт. — С годовщиной, говнюк!

Десерт попал прямо на голову муженьку. Белый крем эпично сползал ему на лицо. Казалось, сейчас он больше походил на уличный памятник, над которым долго и усердно кружили голуби. Эх... Жаль, что я выбрала самый маленький. Был бы побольше, то и эффект куда лучше получился. Да и на эту чувырлу ни капли не попало, а ведь рядом стоит, за шторкой прячется.

Осмотрелась. У плиты разместилась бутылка дорогого открытого вина.

— Лесь, не надо! — Витя вытянул вперед руку, то ли пытаясь прикрыться, то ли остановить меня.

Замахнулась. Очень хотелось и ее разбить о голову муженька, но садиться из-за него за решетку совершенно не входило в мои планы. Швырнула ее в стену над их головами. Так как голая лохудра была за Витиной спиной, то разбившаяся бутылка осыпалась прямо на нее, облив бордовой

жидкостью.

— А-а-а-а-а! — вновь заверещала она, отчего я довольно улыбнулась.

— Олесь!

Сил слушать его больше не было. Рванула прочь с кухни, слыша, как вслед мне доносится отборные маты мужа и всхлипы его пассивности. В коридоре хотела быстро обуться, но в темноте найти туфли оказалось не так-то просто. Включила свет. На коврик неподалеку от моих лодочек валялись ярко-красные туфли этой твари, а посреди коридора еще и красная тряпка, видимо, платье.

— Леся! — с кухни выскочил Витя, на ходу застегивая ширинку.

Мигом схватила туфли и выскочила из квартиры под его крики. Хотела спуститься, но в последний момент передумала, побежав наверх. Хоть и мало вероятно, но не хотелось бы, чтобы этот гад меня догнал.

Тут же послышался хлопок двери и топот по лестнице. Витя явно отправился меня искать вниз. Выдохнула.

Не хочу его слушать! И видеть тоже! Никогда! Не знаю, откуда у меня взялось столько силы, но на самый верхний этаж я буквально впорхнула. Возможно, это все стресс.

Сев на ступеньки, я горько разрыдалась в голос, задыхаясь от слез. Не знаю, сколько я так просидела, но силы иссякли. Всклипывая от рыданий, с трудом поднялась и прислушалась. В подъезде царила тишина. Медленно спустилась на

первый этаж и выскользнула на улицу. Во дворе было пусто. Оно и понятно. Когда я приехала, было уже за полночь. А сейчас и вовсе не знаю сколько.

Подойдя к машине, быстро ее открыла и залезла в салон. Тут же по нему разнесся громкий звонок телефона. Лишь сейчас поняла, что забыла его здесь, но оно и к лучшему. Взглянув на экран, увидела надпись «любимый». Мудак он, а не любимый! Сбросила вызов и вовсе выключила гаджет, откинувшись на спинку сиденья. И что дальше? Я не знала...

Вокруг уже было темно. Надо было скорее решать куда ехать. Наверное, лучше в гостиницу — тревожить в такой час подругу своими проблемами не хотелось. Да и говорить с кем-то тоже.

Завела машину и вырулила со двора, вливаясь с плотный поток. До гостиницы было недалеко. Но доехать я так и не успела. Настолько задумалась, что едва не проехала на красный. затормозив буквально у самого светофора. Да так резко, что мне в задний бампер тут же кто-то врезался. Вот черт! Только этого мне не хватало!

Замерла, глядя в зеркало заднего вида. Из машины вылез здоровенный амбал и направился прямо ко мне. Ой! Кажется, я попала...

Я инстинктивно вжалась в сиденье, мертвой хваткой вцепившись в руль. Сердце заколотилось где-то в горле.

«Ну вот, идеальный финал к идеальному дню», — пронеслось в голове сквозь нарастающую панику. Измена, по-

бег, слезы на грязной лестничной клетке, и теперь вот это. Казалось, вселенная решила добить меня окончательно.

Я медленно, будто в замедленной съемке, подняла голову и посмотрела в зеркало заднего вида. В него уперлась радиаторная решетка огромного, черного, отполированного до зеркального блеска, внедорожника. Он возвышался над моей скромной малолитражкой как скала, напоминая мне всю мою нынешнюю уязвимость. Мою раздавленность.

И тут из этой «скалы» начал вылезать водитель. Гора мышц, затянутая в черную кожаную куртку, натянутую на невероятно широких плечах. Даже на расстоянии и сквозь запотевшее стекло было видно, что лицо у него перекошено гримасой ярости.

Меня буквально передернуло от одного его вида. Холодная волна страха пробежала по спине, сковывая движения. Инстинкт самосохранения сработал быстрее мысли. Дрожащими пальцами я нажала кнопку центрального замка, услышав спасительный щелчок. Затем опустила стекло всего на пару сантиметров, чтобы слышать, но чтобы нельзя было просунуть руку. Воздух в салоне стал густым и тяжелым, пахшим страхом и остатками дорогого торта.

«Ну все, приехали...» — пронеслось в голове, и почему-то это была не метафора. Сейчас начнется...

— Ты что, дура, куда прешь?! — его голос был не криком, а низким, раскатистым рыком, от которого задрожала не только я, но, казалось, и само стекло. Он ударил ладонью

по крыше моей машины, и металл жалобно звякнул. — Права купила, слепая тварь?! Красный от зеленого не отличаешь?!

Я замерла, парализованная страхом. Все мои недавние решимости дать отпор миру испарились, стоило этому миру показать свои настоящие, хищные зубы. Я была просто тряпичной куклой, прилипшей к сиденью спиной и вцепившейся в руль так, что костяшки пальцев побелели.

— Теперь платить будешь! И много, дура! Весь бампер мне помяла! Новый ставить! Ты поняла меня?!

Слезы, которые я так старательно сдерживала все это время, предательски навернулись на глаза. Они застилали мне вид его искаженного лица, но не могли заглушить звук его ненависти.

Я резко вытерла глаза тыльной стороной ладони и, сделав над собой невероятное усилие, выпрямила спину. Через узкую щель в окне посмотрела ему прямо в его свирепые глаза. Мой голос, когда я заговорила, был тихим, но в нем дрожала сталь, которую я сама в себе не знала.

— Эй, амбал, полегче с выражениями, — сказала я, стараясь, чтобы слова не дрожали. — Я тут ни при чем. Это вы меня въехали. Я уже стояла. Так что все претензии к себе.

Он отшатнулся на секунду, явно не ожидая ответа. Его бровь дернулась. Видимо, он привык, что от его криков все тут же струсят и начнут заискивающе извиняться.

— Чё-о-о-о-о? — протянул он, и его лицо исказилось еще

сильнее, стало по-настоящему пугающим. — Совсем оборзела, дрянь?!

И дальше от него шёл один лишь старый могучий, хорошо приправленный ругательствами, некоторые из них я впервые слышала.

Мне дико захотелось в ответ показать ему средний палец, бросить что-то острое, задеть хоть как-то. Но здравый смысл, который еще теплился где-то в уголках сознания, удержал меня. Этот тип был явно неадекватен. После такого жеста он запросто мог разбить стекло и вытащить меня за волосы. Я просто сидела и молча смотрела на него сквозь щель в стекле, и, кажется, это молчание, этот спокойный (пусть и наигранный) взгляд злили его еще больше. Он снова ударил по крыше.

— Выходи, говорю! Документы! Страховку! Быстро!

— Никуда я не выйду. Вызываем ГИБДД. Пусть разбираются.

— ГИБДД?! — он фыркнул, и по его лицу пробежала презрительная усмешка. — Я тебе сейчас устрою свое ГИБДД!

— Борис, прекрати! — раздался вдруг спокойный, но властный голос.

Из машины вышел еще один мужчина. Высокий, стройный, в дорогом, идеально сидящем костюме. Темные волосы, резкие черты лица, пронзительный взгляд серых глаз. Сдержанный и холодный, как ледяная скульптура. Он бросил недовольный взгляд на своего водителя, и тот тут же при-

тих, словно нашкодивший щенок.

Мужчина обратился ко мне:

— Извините за поведение моего сотрудника. Он несколько... импульсивен. Давайте все же оформим ДТП, как положено.

«Фух... Хоть один адекватный», — с облегчением подумала я. А этот Борис... настоящий хам! Надо запомнить марку машины и номер, на всякий случай.

— Как положено? — переспросила я, приподняв бровь.
— А как положено, когда вы в меня въехали? У меня машина почти новая!

— Я понимаю, — ответил он, взглянув на свои дорогие часы. Его брови слегка нахмурились. — Но мне действительно нужно... срочно уехать.

«А мне, между прочим, тоже», — мысленно фыркнула я.
— «Но я же не бросаю все и не срываюсь куда-то».

В этот момент у него зазвонил телефон.

— Да, сынок... — его голос заметно смягчился, стало понятно, что разговор с кем-то очень близким. — Прости, я задержусь... Работа... Да, и еще небольшая авария... Пятнадцать минут, и я буду! Обещаю. Все, целую.

Он отключился и резко повернулся к водителю:

— Борис, быстро в машину! Едем!

А мне бросил напоследок, даже не взглянув в мою сторону:

— С вами потом разберемся.

И они уехали. Просто вот так взяли и уехали... Даже данных моих не взяли! Я смотрела вслед удаляющемуся черному внедорожнику и недоуменно хмыкнула.

— Ну-ну... Разберись... Найдешь ты меня теперь. Как же! Еще чего! Сам виноват!

Внутри бурлила смесь обиды, злости и недоумения. Вот же гад! Еще и угрожает! Разберется он со мной. Посмотрим еще, кто с кем разберется!

Я достала телефон, чтобы вызвать ГИБДД.

После разговора с инспектором ГИБДД, который оказался удивительно участливым и пообещал проверить камеры на перекрестке, я наконец-то смогла тронуться с места. Теперь нужно было ехать на работу. Предстояло закончить три торта к завтрашнему дню, и мысль о монотонном, требующем концентрации труде вдруг показалась не обузой, а спасением.

Мысль о возвращении домой, в квартиру, где еще недавно мы с Витей были счастливы, а потом я увидела его с этой... девкой, вызывала настоящую, физическую боль. Стены того дома, которые я так любила, которые сама красила и украшала, теперь казались пропитанными ложью и предательством. Нет, я не смогу сейчас туда вернуться. Не хочу видеть его рожу! Не хочу дышать этим воздухом! Каждый уголок бу-

дет напоминать о том, как я верила в наше «счастливое будущее». Гад! Изменщик! Ненавижу! Это слово отозвалось в пустоте под грудью горьким эхом. Ненависть была хоть каким-то чувством, она была лучше, чем леденящая пустота, которая грозила поглотить меня целиком.

Машина сама будто знала дорогу, пока я, уставшая до онемения, смотрела на мелькающие огни ночного города. Они расплывались в слезах, которые я уже даже не пыталась сдерживать. Пусть текут. В салоне никого нет, можно быть слабой. Хотя бы эти двадцать минут пути.

Наконец я свернула на знакомую улочку и припарковалась у своего детища — кондитерской «Сладкая история». Вывеска, которую я с такой любовью выбирала, теперь казалась насмешкой. Какая уж там «сладкая история»... Сплошной горький триллер.

Ключ с привычным щелчком открыл дверь. Меня встретил знакомый, уютный, сладкий аромат ванили, свежее испеченного бисквита, шоколада. Сейчас же он вызывал странное противоречие. Как может мир пахнуть так божественно, когда в нем творятся такие подлости? Я глубоко вдохнула, пытаюсь найти в этом аромате хоть каплю утешения, и закрыла дверь на ключ изнутри. Здесь я была в безопасности. Здесь был мой мир.

Моя кондитерская — моя настоящая гордость и, по сути, единственное, что у меня сейчас осталось. Небольшое, но уютное помещение. Светло-персиковые стены и белый пото-

лок, которые я сама лично красила, делая ремонт, выписывая затейливые узоры на потолочном карнизе. Повсюду стеллажи с разноцветными коробочками, ленточками, формочками для выпечки. На подоконнике герань, которую я упорно пыталась вырастить. На стене дипломы с кулинарных конкурсов и фотографии моих самых удачных тортов. Это место было моим убежищем, моим творческим пространством, где я была не просто Олесей, женой Вити, а Олесей-кондитером, Олесей, которая что-то умеет и может сама строить свою жизнь.

Даже сейчас, после всего случившегося, находясь здесь, среди знакомых вещей, под сладким воздухом, я почувствовала себя немного спокойнее.

Я включила неяркий свет, повесила сумку на крючок и, не раздеваясь, накинула поверх платья рабочий халат. Механические, привычные движения успокаивали. Включила духовку, достала из холодильника заготовки для бисквитов, принялась взвешивать ингредиенты для крема. Руки сами знали, что делать. А голова была благодарна за эту возможность отключиться, уйти в рутину, не думать ни о чем, кроме граммов, градусов и консистенции.

Но это спокойствие оказалось недолгим. Где-то через час, когда я уже собирала первый торт, промазывая коржи нежным муссом, снаружи раздался оглушительный грохот. Кто-то с силой ломился в дверь, не просто стуча, а будто пытаясь выбить ее с корнем.

Сердце ушло в пятки, замерло, а потом забилося с такой бешеной силой, что в ушах зазвенело. Ложка выпала у меня из рук, крем белой кляксой растекся по столу.

«Витя», — промелькнула единственная догадка, от которой стало муторно и холодно даже в теплом помещении. Это был его почерк — грубый, напористый, не считающийся ни с чем.

— Олеся! Я знаю, что ты там! Открой! Нам надо поговорить! — донесся до меня его голос.

Он был хриплым, сдавленным и явно пьяным. Я замерла у стола, прислушиваясь к каждому звуку. В горле стоял ком. «Не открою! Ни за что! Ни за что на свете!» — твердо решила я про себя. Посмотрела на тяжелую железную дверь с надежным замком. Я сама ее выбирала, беспокоясь о безопасности своего бизнеса. Теперь она должна была защитить меня от моего же мужа. Горькая ирония заставляла сжиматься сердце. Звук его кулаков, бьющих по металлу, был таким громким и злым, что я невольно вздрагивала от каждого удара, ожидая, что вот-вот замок не выдержит.

— Лесь! Ну выйди! — он кричал уже не столько зло, сколько жалостливо, пытаясь манипулировать. — Это все не так было! Ты все неправильно поняла!

Слезы снова подступили к глазам. От возмущения, от бессилия. «Я неправильно поняла? — мысленно кричала я ему в ответ. — Я неправильно поняла голую женщину на нашей кухне? Это нужно как-то по-особенному понимать?»

Потом начались звонки. Телефон на столе замигал и завибрировал. На экране снова и снова возникало ненавистное слово «муж». Я не брала трубку. Просто смотрела, как он звонит, затихает, и снова звонит. Это было похоже на какую-то пытку.

А потом раздался леденящий душу звук — звон разбитого стекла. Резкий, хрустальный, не оставляющий сомнений.

«Вот гад!» — сжала я кулаки, и ногти впились в ладони. Что же он делает? Он что, решил выбить витрину? Мне очень хотелось выйти, крикнуть ему все, что я о нем думаю, плеснуть в него растопленным шоколадом... но я сдержалась. Я понимала, что будет только хуже. В его состоянии он мог быть опасен. Мы могли подраться, и чем это кончилось бы — страшно было подумать. Я осталась внутри, прижавшись спиной к холодной стене, и просто слушала, как он, выругавшись последними словами, наконец ушел. Воцарилась тишина, звенящая и неестественная после этого кошмара.

Я так и не смогла уснуть. Под утро, уставшая до полного изнеможения, прилегла на жесткий раскладной диванчик в крошечной комнатке для отдыха. Сон не шел. Перед глазами стояли то Витя с кремом на лице, то холодные глаза того мужчины из врезавшейся в меня машины, то перекошенное лицо его водителя.

Утром, едва рассвело, появился хозяин помещения, Сергей Иванович. Он приходил обычно за арендной платой. Увидев разбитое окно витрины, он остолбенел на месте, а

потом его лицо побагровело.

— Олеся! Это что такое?! — закричал он, размахивая руками и указывая на осколки стекла и фанеру, которую я кое-как нашли и приставили изнутри. — Кто это сделал?! Что тут было?! Мне нужен ремонт! Срочно! Кто теперь будет стеклить?

Я стояла перед ним, опустив голову, чувствуя себя абсолютно униженной и беспомощной. Вину за действия Вити теперь приходилось нести мне.

— Простите, Сергей Иванович... Это... это мой муж, — пролепетала я, с трудом выдавливая из себя слова. — Мы поссорились. Он был не в себе.

— Твои семейные разборки меня не касаются! — не унимался он, его крик звенел в моих ушах, и без того забитых усталостью. — Это моя собственность! Мне нужен ремонт! И чтобы сегодня же! Плати!

Что мне оставалось делать? Спорить? Объяснять, что муж изменил и ведет себя как ненормальный? Позор! Молча достала кошелек. В нем были те самые деньги, которые я получила за вчерашние торты. Я отдала ему все, что было. Потом перевела почти всю сумму с карты. На карте остались жалкие копейки, которых не хватило бы и на неделю нормальной жизни.

«Замечательно! Просто великолепно! — с горькой иронией думала я, глядя, как уходит Сергей Иванович. — Что же дальше?»

Перспектива остаться без денег и без жилья пугала меня до дрожи. Надо что-то делать. Срочно!

Книга участвует в литмобе "Красная нить судьбы"

<https://litnet.com/shrt/rB5l>

Глава 2

Осознание полного краха пришло ко мне не сразу. Сначала была просто густая, ватная пустота, заполняющая голову после бессонной ночи. Я сидела на том самом диванчике, где так и не смогла уснуть, и смотрела на заколоченное фанерой окно. Узкие полосы утреннего света пробивались сквозь щели, ложась на пол пыльными лучами. В них танцевали миллионы мельчайших частичек сахарной пудры и муки, превращая мое убежище в подобие снежного грота. Но это была обманчивая, горькая красота. За ней скрывался холодный расчет: что делать дальше?

Мысли, медленные и тягучие, как патока, наконец, начали выстраиваться в подобие плана. Делать нечего, придется ехать домой. Не за тем, чтобы вернуть прошлое. Нет. Ехать нужно за вещами и за деньгами. За тем, что по праву принадлежало мне и было вложено в наше (или уже в моё?) будущее.

Только сделаю это вечером, когда Витя, надеюсь, будет спать беспробудным сном. По небольшому опыту семейной жизни с ним я знала, что если он начал пить, то это продлится минимум сутки. А на второй день он, как правило, отсыпается.

Судя по тому, каким пьяным и злобным он был утром, когда ломался в дверь, пить он начал еще с вечера, сразу после

моего ухода. Значит, к этому вечеру его силы должны были иссякнуть. Он будет спать. И его при этом пушкой не разбудишь. В этом была моя единственная надежда и мой единственный шанс.

Я спокойно приду в квартиру, возьму из сейфа деньги, половину оставлю мужу, все-таки совместно нажитое, и тихонько соберу свои вещи.

Ночевать, конечно, придется опять здесь, на этом проклятом диванчике, в кондитерской, похожей на разгромленное убежище. Но зато я буду при деньгах и со сменной одеждой. А завтра... Завтра уже можно будет думать. Оплатить ремонт взбешенному арендодателю, найти себе хоть какую-нибудь каморку для съема, вдохнуть полной грудью и начать все с чистого листа. Эта мысль, как крошечный лучик в крошечной тьме, согревала меня изнутри и давала силы двигаться дальше.

Я убрала осколки, заколотила окно фанерой, которую выпросила у работников на соседнем складе, и снова начала работать.

Вчерашние три торта я отдала заказчикам. Жаль, они оплатили заранее, и деньги я уже потратила с карты. И сегодняшние заказы тоже были оплачены за неделю. Хорошо сегодня я получила аж два срочных заказа, хоть сегодня деньги получу, но на ремонт окна их всё равно не хватит.

Наконец рабочий день подошёл к концу. Четыре торта и двадцать пирожных, украшенные кремовыми цветами и

шоколадными завитушками, стояли в холодильнике, ожидая своих покупателей.

Вздохнув, я сняла перчатки и фартук с косынкой. Идти домой не хотелось. Видеть пьяного Витю, пускай спящего, так себе удовольствие. Да и сама мысль о нём, вызывали горький ком в горле. Но деваться некуда — вещи-то мои там.

Подъехав к дому, я помедлила у подъезда. Глубоко вдохнула, собираясь с духом, и поднялась на нужный этаж. Вставила ключ в замок... не поворачивается. «Что за...», — промелькнуло в голове. Попыталась еще раз — безрезультатно. Замок, как будто специально, не хотел меня пускать.

Позвонила в дверь, в надежде, что Витя все же проснется. Удивительно, но ждать долго не пришлось. Дверь распахнулась, и на пороге возникла свекровь — Маргарита Павловна, женщина с вечно поджатыми губами и взглядом, полным неодобрения. Увидев меня, ее лицо исказилось гримасой презрения.

— Ты?! — процедила она сквозь зубы, не давая мне и слова сказать. — Ты еще смеешь сюда являться?!

— Маргарита Павловна, я... — начала я, но она меня перебила, буквально выплюнув слова.

— Молчать! Не хочу тебя видеть! Шлюха! Разлучница! Из-за тебя мой сын мучается!

— Что?! — от возмущения у меня перехватило дыхание. — Да вы... вы с ума сошли! Это он мне изменил!

— Врешь! — закричала свекровь, ее лицо побагровело. —

Мой Витя никогда бы такого не сделал! Это ты его спутала! Ты!

— Оставьте свои фантазии при себе, — я старалась говорить спокойно, хотя внутри у меня все переворачивалось от возмущения. — Я пришла за своими вещами.

— Какие вещи?! — свекровь загородила проход своим телом. — Здесь нет твоих вещей! Все, что здесь есть — наше! Вали отсюда! И чтобы ноги твоей здесь больше не было!

В этот момент из-за ее спины выкатился большой чемодан. Свекровь пнула его ногой в мою сторону.

— Вот тебе подарок! — рявкнула она. — Собирай свои манатки и проваливай!

Я смотрела на чемодан, потом на свекровь, и не верила своим ушам. Слезы подступили к горлу, но я сдержалась.

— Вы не имеете права... — прошептала я.

— Имею! — перебила она. — Квартира моя! И я решаю, кто здесь будет жить, а кто нет!

Я почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Сил спорить больше не было. Нагнувшись, я подняла чемодан. Он оказался удивительно легким.

— Хорошо, — сказала я, сдерживая дрожь в голосе. — Я уйду. Но мы еще увидимся. И вы пожалеете об этом.

— Вали! — крикнула свекровь мне вслед, захлопывая дверь.

Я стояла на лестничной площадке, сжимая в руках пустой чемодан, и чувствовала себя совершенно опустошен-

ной. Слезы, которые я так долго сдерживала, наконец прорвались наружу. Горькие, жгучие слезы бессилия и обиды. Переживания захлестнули. Казалось, весь мир рухнул в одночасье. Муж предал, свекровь выгнала, денег нет, жилья нет.

Что же дальше? Куда мне теперь идти? Опять на работу? Но и оттуда арендодатель меня может выгнать, если срочно не оплачу ремонт.

Я сидела на холодной бетонной ступеньке, прислонившись лбом к шершавой стене подъезда. За дверью, в том мире, который еще вчера был моим домом, сейчас хозяйничала Маргарита Павловна. Эта мысль вызывала тошнотворную волну унижения. Мой собственный чемодан, этот жалкий символ моего изгнания, стоял рядом, вызывая горькую усмешку. Он был пуст. Они не оставили мне даже смены белья, не говоря уже о фотографиях, книгах, тех мелочах, что годами создают ощущение дома.

Тишина за дверью была зловещей. Что они там делали? Пили чай с моими же печеньями? Обсуждали, какая я неблагодарная и истеричная? Смеялись?

Нет, так нельзя. Я не могу просто так уйти. Нужно поговорить с ним. Объяснить... Нет, не объяснить. Потребовать. Вдруг он все же не спит? Раз свекровь здесь, то, возможно, при ней он постеснялся много пить и был в более-менее адекватном состоянии. Может, в нем проснутся остатки совести? Глупая, наивная надежда, последний уголек, тлев-

ший в пепле моих чувств, заставил меня действовать.

Дрожащими, почти не слушающимися руками я вытащила из кармана телефон. Экран был испачкан следами муки и слез. Я пролистала контакты до ненавистного имени «муж». Палец замер над кнопкой вызова. Каждая клеточка тела кричала, чтобы я не делала этого, что это унижительно и бесполезно. Но что еще мне оставалось?

Я нажала. Гудки казались бесконечно долгими, каждый звук отдавался в висках тяжелым, отмеряющим последние секунды моей былой жизни, ударом сердца. Оно колотилось где-то в горле, бешено и неровно. Я представляла, как телефон вибрирует там, за дверью, на прикроватной тумбочке, которую мы выбирали вместе. Слышит ли он? Игнорирует?

Наконец в трубке послышался щелчок, а затем его голос. Не сонный, не пьяный, а на удивление четкий и до боли знакомый. И абсолютно равнодушный.

— Да.

Одно слово. Ни имени, ни вопроса. Просто «да», как будто я была очередным надоедливой коллегой или оператором кол-центра. От этого простого слова в груди что-то острое и холодное впилося в самое сердце.

— Витя, это я, — прошептала я, и голос мой предательски дрогнул. Слезы, которые я пыталась сдержать, подступили к горлу, сдавив его. Я сглотнула ком, пытаясь взять себя в руки. — Что все это значит? Почему твоя мать...

Он не дал мне договорить. Его голос прозвучал с леденя-

щей душу издевкой, намеренной, ядовитой.

— А что, собственно, случилось? — протянул он, и я представила его ухмылку, эти мнимые удивленно приподнятые брови. — Ты сама вчера ушла, не став меня слушать. Решила поиграть в гордость?

Играть. Он назвал мою боль, мое унижение, шок от предательства игрой. В глазах потемнело от вспыхнувшей ярости. Она была такой сильной, что на секунду перекрыла собой всю боль.

— Поиграть?! — возмутилась я, и мой голос набрал громкости, эхом разносясь в тихом подъезде. — Твоя мать выставила меня за дверь! С чемоданом!

Мне хотелось кричать, что она назвала меня шлюхой, что она вытолкала меня, как какую-то попрошайку. Но слова застревали в горле, смешанные со слезами и этим комом дикой обиды.

— Ну и что? — Раздраженно, будто отмахиваясь от назойливой мухи, произнес он. — Ты же сама ушла! Не хотела разговаривать!

Его логика была чудовищной. Он, предатель, ставил мне в вину то, что у меня не хватило сил выслушивать его оправдания сразу после того, как я застала его с другой.

— Я... я не могла... — слова с трудом пробивались сквозь спазм в горле. Я пыталась говорить спокойно, но получалось только жалобно и сбивчиво. — Ты был пьян, ломился в дверь, разбил окно на моей работе...

— А ты не открывала! — резко, как удар, перебил он. В его голосе прорвалось настоящее, ничем не прикрытое раздражение. — Надоело мне все это! Ты, твои истерики...

Истерики. В этом слове было столько презрения, столько обесценивания всех моих чувств, что я на мгновение онемела. Воздух перестал поступать в легкие. Он называл истерикой мою естественную реакцию на его измену.

— Истерики?! — вырвалось у меня, и мир вокруг поплыл, окрасившись в багровые тона ярости и несправедливости. — Витя, ты мне изменил! В годовщину нашей свадьбы! В тот самый день, когда я везла тебе торт!

Я почти кричала, не в силах сдержать нахлынувшие эмоции. Мне хотелось, чтобы он услышал каждую каплю моей боли, чтобы это пронзило его равнодушие.

— Ой, ну хватит уже! — он почти кричал в ответ, и в его голосе не было ни капли раскаяния, одно сплошное раздражение. — Надоела! Это прекрасный повод развестись!

От возмущения я открыла рот, но не могла издать ни звука. В ушах стоял оглушительный гул. Это он мне разводом угрожает? Мне?! После того, как он вытворял Бог знает что, он еще и в королях пытается остаться, делая вид, что это его решение? Да это я с ним разведусь, хоть сегодня же! Эта мысль пронзила меня, как разряд тока, дав внезапную, ясную точку опоры.

— Да ради Бога! — выдохнула я, и в моем голосе впервые за весь разговор прозвучала не боль, а холодная, сталь-

ная решимость. — Я согласна на развод. Только деньги, которые я копила на расширение кондитерской, отдай мне. И мои вещи тоже.

Эти деньги были моим потом, кровью, бессонными ночами. Каждая купюра пахла ванилью и шоколадом. Они были моим билетом в будущее, в котором не было его.

В ответ раздался его короткий, циничный, издевательский смешок. Этот звук был похож на скрежет стекла по душе.

— Какие деньги? — он сделал паузу, наслаждаясь моментом. — Ах, эти. Забудь! Они теперь мои!

В его голосе слышалось торжество. Маленькое, подлое торжество воришки, который увернулся от правосудия.

— Ты... ты не можешь! — закричала я, и мой крик, полный отчаяния и бессилия, зазвенел под потолком. — Это мои деньги! Я их заработала! Ты отдавал мне на продукты и коммуналку, а я все, что оставалось, откладывала!

— А квартира моя! — прошипел он в ответ, и в этом шипении была вся суть его натуры — мелкой, мстительной и жадной. — Так что проваливай! И не звони мне больше!

Щелчок. Резкий, окончательный. В ушах зазвенела мертвая тишина, более оглушительная, чем любой крик.

Я сидела посреди лестницы, сжимая в руках бесполезный, горячий от злости телефон, и не могла поверить в то, что произошло. Это был не просто разговор. Это был приговор. Приговор моей прошлой жизни, моей любви, моей вере в

него. Внутри все сжалось в тугую, болезненный ком, захотелось рыдать, выть от несправедливости, биться головой о стену. Но я упорно сдерживалась, впиваясь ногтями в ладони до боли. Не хочу, чтобы свекровь услышала мои слезы. Наверняка ведь подслушивает под дверь, упиваясь своей победой, торжествуя.

Хотя мне невыносимо хотелось отпустить эмоции, дать волю этому урагану отчаяния, что рвал мою душу на части, выплеснуть наружу всю боль, всю горечь предательства. Как он мог? Как он мог так поступить со мной? Все эти годы, все те «люблю», объятия, планы на будущее, общие мечты о детях... Все это было ложью? Или он просто стал другим человеком? Чудовищем, которое я не узнавала?

Я чувствовала себя не просто преданной. Я чувствовала себя ограбленной не только материально, но и душевно. У меня отняли веру, отняли дом, отняли прошлое, в котором я была счастлива. Все мои мечты и планы рухнули в одно мгновение, похоронив под обломками ту Олесю, которой я была всего два дня назад.

Меня трясло мелкой, неконтролируемой дрожью, будто в лихорадке. Пара предательских, горячих слезинок все-таки выкатились из глаз и медленно поползли по щекам, оставляя соленые дорожки на холодной коже. И я решила позволить себе это. Совсем немного. Всего пару минут. Потом соберусь. Потом встану и пойду. Но сейчас... Сейчас было невыносимо тяжело держать в себе этот клубок негативных эмо-

ций. А то еще чего доброго возьму и разревусь где-нибудь на людях, в метро или в магазине, и это будет последней каплей моего унижения. Здесь, в грязном подъезде, на холодных ступеньках, я могла позволить себе быть слабой. Ненадолго.

Я сидела на холодных, покрытых пылью и царапинами ступеньках, бессильно обхватив голову руками. Пальцы впились в волосы, пытаюсь сдержать накатывающую волну отчаяния. Казалось, еще немного и череп просто треснет от внутреннего давления. Все тело ныло и ломило, будто меня переехал каток, отчаяние и усталость въелись в каждую мышцу, в каждую косточку. В голове царил полный, оглушительный хаос. Обрывки воспоминаний: Витя с кремом на лице, злобное лицо свекрови, ледяной взгляд того Игоря Петровича, — все это кружилось воронкой, затягивая в черную дыру безысходности. Я пыталась строить планы, но они рассыпались, едва успев родиться, сталкиваясь с суровой реальностью: у меня нет ничего. Абсолютно ничего.

И тут, сквозь гул в ушах и собственное тяжелое дыхание, до меня донесся резкий, нарочито громкий цокот каблучков. Звук, отдающийся эхом в подъездной тишине, будто кто-то намеренно выбивал дробь на моих нервах. Неестественно веселый, победный. Инстинктивно, еще не понимая почему, я вся сжалась внутри.

Медленно, преодолевая тяжесть во всем теле, я подняла голову. И увидела ее. Ту самую девицу, с которой Витя мне изменил. Она поднималась по лестнице, нагруженная доро-

гими брендовыми пакетами, из которых нагло торчали коробки с обувью и яркие лоскуты новой одежды. И она не просто шла, она шествовала. Вся ее осанка, развернутые плечи и высоко поднятый подбородок кричали о триумфе. Она сияла, как начищенный до ослепительного блеска пятак, и от этого сияния, от этого запаха новых вещей и парфюма, которым пахло от нее аж до меня, стало физически тошно. Увидев меня, девица на мгновение остановилась, и на ее нагловатом личике промелькнула целая гамма эмоций: мимолетное удивление, затем быстрое оценивание моей плачевной внешности и, наконец, удовлетворенное, презрительное спокойствие. Она смерила меня насмешливым взглядом с ног до головы, задержавшись на моих заплаканных глазах и помятой одежде, и с тем же победным видом продолжила свой путь, будто я была всего лишь помехой на ее пути к безоблачному счастью в моей же квартире.

Внутри что-то оборвалось. Горячая, слепая волна ярости поднялась от самого подреберья, сжигая остатки стыда и благоразумия. Я вскочила на ноги так резко, что у меня потемнело в глазах.

— Ты! — выкрикнула я, и мой голос, хриплый от слез и крика, прозвучал оглушительно громко в замкнутом пространстве. — Стой!

Она остановилась, медленно, демонстративно повернулась ко мне. На ее губах играла наглая, саркастическая ухмылка. Она явно получала удовольствие от этой сцены.

— Ой, какие люди! — слащаво протянула она, снова окидывая меня тем же оценивающим, уничижительным взглядом. — Смотрю, за вещами своими пришла? — она бросила презрительный взгляд на мой жалкий, пустой чемодан, одиноко стоящий через три ступеньки.

Ее тон, ее ухмылка — все в ней вызывало приступ чистейшей, неподдельной ненависти. Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Что ты здесь делаешь?! — прошипела я сквозь стиснутые зубы, и каждое слово обжигало губы.

— А тебе какое дело? — она ухмыльнулась еще шире, наслаждаясь своей властью над ситуацией. — Я теперь здесь живу.

— Живешь?! — от возмущения у меня перехватило дыхание. В груди все сжалось. — Не слишком ли рано ты сюда переехала? Еще труп моей семейной жизни не остыл!

— Рано? — она залилась звонким, фальшивым, как медная монета, смехом. — Ничего не рано. Витя теперь со мной, а ты — в прошлом. Вчерашний день, милочка.

От ее слов «Витя теперь со мной» в висках застучало. Но я не собиралась показывать ей свою боль. Я выпрямилась во весь рост, пытаюсь вернуть себе хоть каплю достоинства.

— Да мне плевать на вас! — заявила я, и в голосе зазвела сталь. — Целый воз сентиментов к черту! Деньги мои отдайте, и живите сколько хотите в этом вонючем болоте!

Ее лицо на мгновение стало серьезным, в глазах мелькну-

ла жадность.

— Какие еще деньги? — она сделала удивленные глаза. — Нет у тебя денег! Убирайся отсюда, пока прилично просят!

Это было уже слишком. Эта мразь, разрушившая мою жизнь, еще и разговаривала со мной таким тоном? Все, что копилось во мне эти сутки: боль, унижение, ярость вырвались наружу единым, слепым порывом.

— Ах ты гадина! — крикнула я и бросилась к ней, не думая о последствиях, желая хотя бы царапнуть это самодовольное лицо, вырвать клочок этих уложенных волос.

Но она, как кошка, ловко увернулась, и моя рука лишь скользнула по рукаву ее куртки. Она отшатнулась, но не испугалась, а лишь просияла еще больше.

— Ой, какая ты страшная! — продолжала она издеваться, притворно вздрагивая. — Ты только посмотри на себя! На настоящую бабу-ягу! Когда ты у парикмахера в последний раз была? А маникюр когда делала? Не зря Витя тебя разлюбил. Ходишь, как чучело!

Каждое ее слово било точно в цель, в мои самые больные и уязвимые места. Я действительно была похожа на изможденную фурию — растрепанная, в помятой одежде, с размазанной тушью и распухшим от слез лицом. И это осознание, подпитанное ее ядовитыми насмешками, причиняло почти физическую боль.

В этот момент, будто по сигналу, дверь квартиры с грохотом распахнулась, и на пороге, как мстительная фурия, по-

явилась свекровь. Ее взгляд сразу же нашел девицу, и ее лицо мгновенно преобразилось, растянувшись в сладкую, по-добострастную улыбку.

— Леночка, милая, ты пришла! — защебетала она неестественным, сиропным голосом, тут же бросаясь к ней на помощь и принимая пакеты, будто те весили центнер. — Замерзла, наверное, родная? Проходи, проходи быстрее! — Затем ее взгляд упал на меня, и сладость на лице сменилась на чистую, неподдельную ненависть. — А ты чего здесь торчишь? — прошипела она, и ее глаза стали узкими, как щелочки. — Я же сказала, чтобы ноги твоей здесь не было! Не поняла с первого раза?

Я стояла, чувствуя, как земля уходит из-под ног от этой вопиющей несправедливости. Они стояли там, в моем доме, мать моего мужа и его любовница, единым фронтом против меня. И это был уже не просто семейный конфликт, это была война.

— Отдайте мои деньги и вещи! И я уйду! — упрямо, срывающимся от натуги голосом повторила я и сделала решительный шаг вперед, к раскрытым дверям.

Я всерьез настроилась войти, пройти через них, отодвинуть их и забрать то, что принадлежало мне по праву. Адреналин давал мне силы, которых секунду назад не было.

— Ничего ты не получишь! — заорала свекровь так, что, казалось, с потолка посыпалась штукатурка.

Она была стремительной, как кобра. Прежде чем я успела

что-либо предпринять, ее костлявые, но на удивление сильные пальцы впились мне в запястье с такой силой, что я вскрикнула от боли и неожиданности. Она дернула меня на себя, я потеряла равновесие, и в следующее мгновение я снова оказалась за дверью, отшвырнутая, как пустая картонная коробка. Я опешила, потирая онемевшую руку, не в силах поверить, что эта с виду хрупкая женщина обладает такой дикой силой.

— Вон отсюда! — ее перекошенное от злобы лицо было последним, что я увидела перед тем, как дверь с оглушительным, финальным хлопком захлопнулась прямо перед моим носом. Звук этот был похож на выстрел, ставящий точку.

Я снова оказалась на лестничной площадке, в одиночестве, в гробовой тишине, нарушаемой лишь гудящим в ушах звоном. Ощущение полной, абсолютной разбитости накрыло меня с новой, сокрушительной силой. Я медленно сползла по стене на пол, не в силах держаться на ногах. Переживания, сметающие все на своем пути, захлестнули с новой силой. Казалось, что хуже уже быть не может. Я достигла дна. Но где-то в глубине сознания шевельнулась горькая, прозорливая мысль: жизнь, как всегда, умела преподносить сюрпризы. И они, к сожалению, редко бывали приятными. Этот день еще не закончился.

Глава 3

Последние несколько дней слились в одно сплошное, изматывающее полотно. После позорной сцены на лестничной клетке я вернулась в кондитерскую с одним пустым чемоданом и ощущением, что мир перевернулся с ног на голову. Казалось, хуже уже некуда. Но, видимо, Вселенная решила проверить меня на прочность.

Деньги сами себя не заработают, поэтому теперь мне придется забыть о расширении бизнеса и пахать как ломовая лошадь. Я встала к плите, как робот. Месила тесто, взбивала крема, растапливала шоколад. Сладкий, дурманящий аромат, обычно действовавший на меня успокаивающе, сейчас казался приторным и тошным. Но работа была моим единственным спасением, единственным, что у меня осталось. Она не позволяла сойти с ума, не давала погрузиться в пучину отчаяния. Каждый торт, каждое пирожное были молчаливым вызовом Вите и его мерзкой семейке. Хотелось закричать им прямо в лицо: «Смотрите, я еще на ногах. Я еще могу создавать красоту, пока вы создаете лишь грязь».

Я не отвечала на звонки Кристины, которая, судя по десятку пропущенных, уже начинала волноваться. Что я могла ей сказать? «Привет, подруга. Муж изменил, свекровь выгнала в ночь с пустым чемоданом, а его любовница теперь хозяйничает в моей же квартире»? Звучало как бред сума-

сшедшего. Нет, я должна была сначала сама прийти в себя, найти хоть какое-то решение.

Весь день прошел в сумасшедшем ритме. Заказы сыпались один за другим, и я была только рада этому. Физическая усталость заглушала душевную боль. К ночи я едва держалась на ногах. Руки дрожали от напряжения, а веки слипались. Последнее, что я помнила, был погашенный свет, и я рухнула на жесткий раскладной диванчик в комнате отдыха, даже не раздеваясь. Глубокий, беспросветный сон поглотил меня моментально.

Утренний будильник прозвучал, словно сигнал тревоги. Голова была тяжелой, ватной, все тело ломило. Но сегодня был важный день, нужно было доставить огромный, трехъярусный свадебный торт. Я тщательно собирала его прошлым вечером, украшая сахарными цветами и золотой пудрой. Для молодоженов это был особенный день, и я не имела права их подвести из-за своих личных драм.

Быстро умывшись ледяной водой, чтобы прогнать остатки сна, я натянула чистый рабочий халат и подошла к холодильнику, чтобы аккуратно извлечь торт и упаковать его в специальную транспортировочную коробку. Еще пару часов, и этот заказ будет выполнен, а на моем счету появятся хоть какие-то деньги. Мысли уже лихорадочно строили планы: сначала отвезти торт, потом искать хоть какую-нибудь небольшую квартирку для аренды...

Выйти из кондитерской я не успела. Буквально в дверях

меня перехватил хозяин помещения.

— Олесья, я устал ждать! — без приветствия, начал он с претензий. — Или вы думаете, мы просто так забудем о случившемся? Я не намерен застеклять окно из своего кармана.

— Простите! Я сегодня же вам все оплачу. Мне буквально через час должны перевести деньги.

— Сегодня! — строго произнес мужчина. — Если до вечера вы не оплатите ремонт, можете убираться отсюда! — пригрозил он, уходя.

Я едва не разрыдалась от безысходности, но, взяв себя в руки, вышла на улицу, держа в руках большую коробку. Утро было прохладным, солнце только поднималось над крышами домов. Я зажмурилась от его лучей и сделала шаг к тому месту, где всегда парковала свою не новую, но верную японскую малолитражку.

На месте ее не было.

Я замерла, не веря своим глазам. Может, я ошибаюсь? Отошла на пару шагов вперед, оглядела всю улицу. Ничего. Пустое, где вчера вечером я оставила машину, теперь было абсолютно пустым.

В груди что-то екнуло, холодная волна страха пробежала по спине. «Успокойся, Олесья, — сказала я себе. — Может, эвакуировали? Или ты неправильно припарковалась?»

Едва ли не бегом вернулась в кондитерскую, поставила торт и судорожно стала шарить по карманам куртки в поисках телефона. Набрала номер ГИБДД. Пока шли гудки, я то

и дело выглядывала в окно, надеясь увидеть знакомые очертания родного автомобиля.

— Дежурная часть, слушаю вас, — раздался в трубке невозмутимый женский голос.

— Здравствуйте, — мой собственный голос прозвучал сдавленно и сипло. — Вчера вечером я припарковала машину, а сейчас ее нет. — Быстро назвала марку и номер. — Могла ли она быть эвакуирована?

— Минуту, проверю, — послышался стук клавиш. В ожидании я закусила губу, чувствуя, как по телу разливается холодный пот. — Нет, гражданка, в нашем реестре штрафстоянок автомобиля с таким номером нет. Эвакуация на этой улице вчера не проводилась.

— Как нет? — чуть не взвизгнула я. — Она не могла просто испариться!

— Возможно, угнана, — голос на том конце оставался ледяным. — Вам необходимо лично обратиться в отделение полиции по месту происшествия и написать заявление.

Телефон выпал у меня из руки, я едва успела поймать ее на лету. В ушах зазвенело. Угон? Нет, это невозможно. Кому нужна моя десятилетняя машина? Это же не премиальное авто, да и старая слишком... Только этого мне не хватало! «А вдруг это Витя?» — мелькнула быстрая мысль в голове, но тут же испарилась.

Руки тряслись так, что я с трудом набрала номер такси. Отменить заказ было нельзя — я уже предупредила молодого-

женов о времени доставки. Через десять минут я уже сидела в такси, прижимая к себе драгоценную коробку и глядя в окно на мелькающие улицы. Город жил своей жизнью, а моя рушилась на глазах с катастрофической скоростью.

Свадьба проходила в красивом ресторане у реки. Невеста, сияющая и счастливая, встретила меня у входа.

— Олеся, как я рада! Все ждут твой торт, он — главный герой сегодня! — она улыбнулась, но, присмотревшись ко мне, нахмурилась. — Ты в порядке? Ты выглядишь уставшей.

— Все хорошо, — выдавила я улыбку. — Бессонная ночь, работа. Давайте, я установлю его.

Устанавливая торт на постамент, я ловила на себе восхищенные взгляды гостей. Это была моя маленькая победа, хоть какой-то островок стабильности в бушующем океане хаоса вокруг меня. Но внутри все сжималось от осознания того, что будет дальше. Без машины я как без рук!

Распроставшись с молодоженами и получив конверт с деньгами, я снова вызвала такси. Теперь дорога лежала в отделение полиции.

Дорога до отделения полиции промелькнула как в тумане. Я сидела на заднем сиденье такси, глядя в окно на оживленный утренний город. Люди спешили на работу, смеялись, покупали кофе в уличных ларьках. Жизнь кипела вокруг, но я чувствовала себя отстраненной от нее, будто смотрела плохой немой фильм. В голове стучала одна-единствен-

ная мысль, навязчивая и невыносимая: «Машины нет. Машины нет». Эта мысль перекрывала все: усталость, обиду и даже горечь предательства. Пропажа «железного коня» была олицетворением полной потери контроля, последним камешком, который вызвал лавину осознания: я осталась абсолютно ни с чем.

Участок встретил меня тем особым, ни с чем не сравнимым запахом — коктейлем из пота, застарелого табака, дешевого дезинфектора и пыли, въевшейся в старый линолеум. Это был запах бесправия, отчаяния и казенной волокиты. Он висел в неподвижном воздухе коридора, въедаясь в одежду и вызывая легкий спазм в горле. Я подавила рвотный позыв и, подобравшись, подошла к заляпанному пальцами стеклу дежурной части. За ним сидел молодой сержант с лицом, на котором бессонные ночи и человеческое горе уже успели оставить свои неизгладимые следы — мешки под глазами, преждевременные морщинки у губ.

— Гражданка, чем могу помочь? — его голос был ровным, профессионально-бесстрастным, но в глубине усталых глаз читалось легкое любопытство.

«С чего бы начать? — пронеслось в голове. — С того, что муж изменил? Или с того, что его мать выгнала меня? Или сразу перейти к угону?» Горло сжалось. Я сглотнула ком и заставила себя говорить.

— Я хочу написать заявление. У меня угнали машину, — произнесла я, и голос, к моему ужасу, снова предательски

задрожал, выдав всю мою нервозность и отчаяние.

Сержант кивнул, не меняясь в лице. Видимо, такие дрожащие голоса он слышал по десять раз на дню.

— Документы на машину есть? Техпаспорт?

— Да, — я торопливо, почти лихорадочно, открыла сумочку, с облегчением нащупав знакомую папку. — Вот. — Радость от того, что хоть что-то осталось в моих руках, была жалкой и горькой.

Мне молча протянули через окошко бланк заявления. Я уселась на жесткую, холодную скамейку в коридоре, вонзившуюся в бедро даже через ткань платья. Достала ручку и начала заполнять графы, выводя буквы с невероятным усилием, будто рука была чугуной: марка, модель, цвет, VIN... Каждая строчка была напоминанием о том, чего я лишилась. Я писала о том, что обнаружила пропажу утром, что в ГИБДД машины нет. Мысли путались, текст получался рваным, эмоциональным. Стоило ли упоминать о семейных проблемах? Напрямую сказать, что подозреваю бывшего мужа? Но в глазах любого постороннего это выглядело бы как мелкая, мстительная месть с моей стороны. «Гражданский конфликт, разбирайтесь сами», — вероятно, так бы и отреагировали. Нет, пока нужно придерживаться фактов. Только факты.

Я уже почти закончила заполнять заявление, выводя размашистую подпись внизу, как вдруг зазвонил телефон. Вибрация отозвалась в моей ладони, словно удар током. Я по-

смотрела на экран. На нем горело ненавистное, ядовито-зеленое слово «МУЖ». Рука сама потянулась к кнопке сброса, инстинкт самосохранения кричал: «Не отвечай!». Но я остановила себя, сжав телефон так, что корпус затрещал. Нет. Трусость и избегание меня уже до добра не довели. Нужно ответить. Нужно услышать, что он скажет. Посмотреть в глаза своему демону, даже если только по телефону. Глубоко, с присвистом вдохнув пропитанный тоской воздух полицейского участка, я поднесла трубку к уху.

— Ну, чего надо? — прорычала я, стараясь скрыть дрожь в голосе за маской агрессии.

— Где документы на машину? — раздался его голос, резкий и требовательный, без единого слова приветствия, без тени сомнения или раскаяния. — Техпаспорт, сервисная книжка?

Вопрос повис в воздухе на секунду. И в эту секунду все разрозненные кусочки пазла — его наглость, звонок именно сейчас, его уверенный тон — сложились в единую, ужасающую и абсолютно ясную картину. Вчера вечером, занося в кондитерскую сумку с документами (я всегда забирала их из машины на ночь, опасаясь угона), я и подумать не могла, что совершаю единственное верное, провидческое действие. Он не угонял машину. Он ее... забирал. Считая своей собственностью.

— Документы? — переспросила я, и в моем голосе зазвучали уже совсем другие нотки — не отчаяние, не страх, а

леденящая, кристально чистая ярость. — Они у меня. А машина, выходит, у тебя.

Он на мгновение замолчал, явно не ожидая такого прямого, обвиняющего вопроса. Я буквально слышала, как в его голове шестеренки прокручивают новый сценарий, ведь старый, где я плачу и умоляю, не сработал.

— Машина теперь у мамы. Она ее продает, — отрезал он, пытаясь говорить уверенно и безапелляционно, но в его тоне проскальзывала нервозность, фальшивая нота.

— Продает? — я чуть не рассмеялась от возмущения, и этот смех прозвучал хрипло и нездорово. — На каком основании? Это же моя машина! Я на нее заработала! Я три года откладывала, в то время как ты просаживал деньги на какие-то глупости!

— Олеся, не гони волну, — он перешел на снисходительный, поучительный тон, который бесил меня еще больше, чем его злость. — Машина оформлена на маму. Все законно. Юридически чисто. Так что будь умницей, не усложняй, принеси документы. Или скажи, где они, я сам заберу.

Тут меня окончательно переклинило. Вся накопившаяся за эти дни боль, унижение, злость, слезы, вывернутые нервы — все это вырвалось наружу единым, сокрушительным цунами. Я вскочила со скамейки, не в силах усидеть на месте.

— Ты совсем офигел, Арсентьев?! — закричала я так, что эхо разнеслось по казенному коридору, а сержант в окошке поднял на меня удивленный, испытующий взгляд. — Ты

сначала меня предаешь с первой попавшейся стервой в нашу годовщину, потом твоя мамаша, эта старая карга, вышвыривает меня на улицу с пустым чемоданом, а теперь вы вдвоем, как грязные воры, решили обчистить меня до нитки?! Ты что, думаешь, я так просто сдамся? Что буду ползать у вас на коленях и умолять? Нет, дорогой мой! Ни машины, ни денег ты от меня не получишь! Я тебя в тюрьму упеку за кражу! За мошенничество! Слышишь, мразь?!

— Ты мне угрожаешь? — зашипел он в ответ, и в его голосе послышалась злоба загнанной в угол крысы. — Да я тебя... Да ты у меня сама сядешь! Я тебе такую статью припаяю за клевету...

— Попробуй! — с вызовом бросила я ему в ответ и с силой, на какой была способна, швырнула трубку об бетонную стену. Пластик треснул, экран погас. Дыхание сбилось, сердце бешено колотилось в груди, выпрыгивая наружу. Я стояла и тряслась, как в лихорадке, сжимая в руках незаконченное заявление, превратив его в мятый, бесполезный комок.

Сержант смотрел на меня через стекло с нескрываемым, откровенным интересом, смешанным с долей сочувствия.

— Гражданка, у вас все в порядке? — спросил он, и в его голосе уже не было прежней бесстрастности.

Я медленно перевела на него взгляд. Слез уже не было. Их выжгла та самая ярость. Внутри была только вымороженная пустота и холодная, стальная, как лезвие топора, решимость. Решимость бороться. Драться. Не отдавать им ни сантимет-

ра, ни копейки.

— Нет, — тихо, но четко сказала я, сменяя бланк заявления в тугой шар. — Заявление об уgone я пока писать не буду. У меня... есть кое-какие уточнения. Юридического характера. И еще, я могу написать заявление о порче имущества?

Сотрудник быстро выдал мне новый бланк и все объяснил. Вот и отлично! Война так война!

Заполнив новое заявление, я развернулась и вышла из участка на яркое, слепящее утреннее солнце. Оно било в глаза, но не грело. У меня не было ни дома, ни машины, ни денег, ни даже исправного телефона. Муж оказался не просто подлецом, а настоящим, расчетливым врагом, готовым растоптать меня и отобрать последнее. Но впервые за эти дни я почувствовала не бессилие, не желание свернуться калачиком и умереть, а огненную, всепоглощающую волну гнева. Они забрали у меня все. Значит, мне больше нечего было терять. И это делало меня по-настоящему опасной.

Мне пришлось вернуться на работу и, так уж получилось, место для ночлега. Съёмную квартиру, судя по всему, я ещё не скоро найду.

Настроения не было совсем, а желания работать тем более. Захотелось уехать куда-нибудь отдохнуть, куда угодно, лишь бы подальше отсюда и, главное, подальше от мужа и его матери.

Но такую роскошь я не смогу себе позволить ещё долго.

Пока не встану на ноги.

Я вообще без отпусков работала долгое время, и уж тем более никуда не выезжала на отдых. Вот и нечего привыкать. Отдых — роскошь для богатых. А я родилась бедной и не знаю, выкарабкаюсь ли из этой нищеты.

Муж был против моего пекарского дела, считал, что у меня не получится. Начинать пришлось с малого: сначала на дому выполняла заказы от знакомых втихаря от мужа и его матери, а потом, когда заработала первоначальный капитал, сняла отдельное помещение.

Муж, узнав, что я первые заработанные свои деньги потратила на расширение бизнеса, устроил мне истерику. Опять он посчитал, что я впустую потратила деньги, что у меня ничего не получится. Но у меня получилось!

С каждым разом у меня клиентов становилось больше и больше и уже встал вопрос о том, чтобы не нанимать каждый раз такси для развоза заказов на дом, а купить собственную машину.

Тогда-то и выступила свекровь с «помощью». Она вызвалась взять кредит в банке под низкий процент, потому как моей суммы, что у меня в тот момент накопилась, хватило бы лишь на очень старый автомобиль. А тут, и кредит постепенно быстро выплачу и ездить на более приличной машине буду.

Чтобы у свекрови были гарантии, она попросила оформить автомобиль на себя. А то, мол, мало ли, вдруг я не смо-

гу выплачивать? А кредит-то на ней!

Потом, после закрытия финансового долга, она бы переписала машину на меня.

Теперь я понимаю, как сглупила, согласившись на такую аферу.

Получается, кредит я полностью покрываю, а машину све-кровь возвращать не собирается. Напротив, ещё и продать её собралась. Мою машину! Которую я сама заработала!

С этими грустными мыслями, я смотрела на новое окно, что рабочие сегодня вставили. И, настроившись, принялась за уборку.

После отмывания столов и пола от пыли, приступила к выполнению заказов.

Испекла и украсила два торта, два десятка пирожных, напекла коржей про запас и, отправив всю эту красоты в холодильник, отправилась в подсобку, чтобы отдохнуть.

Только я прилегла на старенький диван, как внезапно звякнул колокольчик над входной дверью моей пекарни, оповещающая о новом посетителе.

Я с неохотой встала и вышла к потенциальному покупателю, ожидая увидеть кого угодно, но только не его.

Спиной ко мне стоял мужчина в форме, сосредоточенно рассматривая витрину с муляжами пирожных.

— Что вы хотели? — спросила я деловым тоном.

Несмотря на то, что я очень устала, старалась выглядеть бодрячком.

Он повернулся. И я застыла, не веря своим глазам. Это был он. Мужчина из внедорожника, что осадил своего сотрудника-грубияна. Ещё тогда он произвёл на меня незабываемое впечатление, а теперь, в форме, он выглядел ещё более внушительно.

И, судя по всему, он не был никаким бандитом, а, скорее всего, представителем власти. Моё сердце сжалось от новой волны переживаний.

Он не просто нашёл меня, он оказался прокурором!

— Здравствуйте, — проговорил низким, деловым тоном.

— Здравствуйте, — неуверенно ответила я. — Вы по поводу аварии?

Внутри я невольно сжалась, ожидая получить от него повестку в суд.

Только этого мне ещё не хватало ко всем моим неприятностям! Мало того, что я осталась без жилья вещей и денег, так на меня ещё и ремонт дорогушей машины сейчас повесят. Который я точно не смогу выплатить!

— Нет. Я здесь не по этому поводу, — сказал он, его голос был ровным, что немного меня успокоило. — Но и заказывать торт у вас, скандалистки, не стану.

Я только успела открыть рот, чтобы возразить, как у него зазвонил телефон. Он ответил, и его голос снова смягчился.

— Да... Я же обещал что закажу торт, что ты паникуешь? — немного нервным тоном проговорил он, наверное, разговаривал с женой, из телефона был слышен недовольный жен-

ский голос. — Завтра у нашего сына будет торт! Да... большой и красивый... оформим для его возраста... Какие фотографии, торт ещё не готов?! — мужчина взглянул на меня, отвернулся и взял телефон в другую руку, было заметно, что ему неприятно общаться с женой в таком тоне при свидетелях, но он старался держать себя в руках. — Прекрати на меня кричать, я не забыл, просто задержался. Торт сделают в срок, не переживай. Всё, пока.

После разговора он отключился и снова повернулся ко мне.

— Необходим торт, — сказал он, уже без всякой враждебности. — У сына завтра день рождения. Забыл заказать, а теперь, видимо, никто не возьмётся.

Я смотрела на него, пытаюсь понять, что происходит. Сначала авария, потом такое поведение, а теперь ещё и торт? Этот человек просто сбивал меня с толку. Но, видя его замешательство, я почувствовала, что злость немного отступает, уступая место чему-то другому. Сочувствию, что ли?

— Что ж, — сказала я, вздохнув. — Посмотрим, что можно сделать.

Я направилась к своему телефону, чтобы показать ему варианты оформления. Он же отошёл в сторону, усевшись на диван практически в самый угол, словно стараясь сохранить какую-то дистанцию.

От входной двери его не было видно.

Глава 4

Тишина в кондитерской, нарушаемая лишь мерным гудением холодильного оборудования, была обманчивой. В воздухе витало напряжение. Я до сих пор не могла поверить, что этот человек окажется прокурором. Такой уж точно не оставит меня в покое.

Я стояла за стойкой, нервно листая на телефоне портфолио своих работ, чтобы показать неожиданному гостю. Мужчина все также сидел в углу на диванчике, ожидая меня. Его присутствие создавало невидимое напряжение, которое я ощущала кожей.

Я украдкой наблюдала за ним. В его позе, в опущенных глазах, которыми он изучал узор на полу, читалась усталость. Не та физическая усталость, что была у меня, а какая-то другая, глубокая, душевная.

Разговор с женой явно выбил его из колеи, и он пытался собраться, отгораживаясь от всего мира.

«Интересно, — подумала я, — у таких, как он, тоже есть свои проблемы. Семейные бури, скрытые за фасадом благополучия.»

Я уже собралась предложить ему несколько вариантов торта на выбор, как вдруг тишину взорвал не колокольчик над дверью, а оглушительный удар. Дверь с такой силой стукнулась о стену, что стекло витрины задрожало. Я вздрогнула,

обернулась, и у меня похолодели все внутренности.

В проеме, тяжело дыша и с лицом, перекошенным от бесшестства, стоял Витя. Он выглядел ужасно: глаза красные, волосы всклокочены, одежда мятая. От него опять пахло перегаром и потом. Но самое страшное было в его глазах — в них горел слепой, животный гнев.

— А-а-а, сука! Нашлась! — прохрипел он, шагнув внутрь и с размаху захлопнув дверь.

Мое сердце упало и замерло. Я инстинктивно отступила за стойку, используя ее как барьер.

— Витя, уходи. Сейчас же, — сказала я, стараясь выглядеть уверенной, но голос предательски дрогнул.

— Уходить? Это я сейчас уйду? — он фыркнул и медленно, как хищник, начал приближаться ко мне.

Мой взгляд скользнул по ожидающему посетителю, но не задержался на нем. Тот сидел в тени, в самом углу, неподвижно, и Витя, ослепленный яростью, просто не заметил его.

— Это ты сейчас со мной поедешь и в участке все свои сказки заберешь!

Он уперся руками в стойку, нависая надо мной. Зловонное дыхание ударило в лицо.

— Какой участок? О чем ты? — попыталась я сделать вид, что не понимаю.

— Не валяй дурака! — он ударил кулаком по стойке, и стоящая на ней вазочка с визитками подпрыгнула. — Участ-

ковый сегодня был! Из-за твоего заявления! За разбитое окно! Теперь мне штраф или исправительные работы светят! Хочешь, чтобы у супруга судимость была?!

Муж кричал так, будто это он был жертвой, а не я. Его логика была чудовищной. Он разгромил мое рабочее место, а теперь возмущался последствиями.

— Ты сам его разбил! В пьяном угаре! — напомнила я ему, чувствуя, как злость начинает перебарывать страх. — Ты сюда ломился, орал, угрожал! Я что, по-твоему, должна была это стерпеть?

— Мало ли что было! Ты же не пострадала! — он рывком обошел стойку и оказался рядом. Его пальцы, сильные и грубые, впились мне в предплечье с такой силой, что я вскрикнула от боли. — Ты сейчас возьмешь свои слова обратно! Мы едем в участок, и ты скажешь, что это ты сама случайно разбила! Что я, типа, ни при чем! Поняла?! Что мы поссорились, ты нервничала и сама кулаком в стекло въехала!

Он тряс меня за руку, его лицо было в сантиметрах от моего. Я пыталась вырваться, но его хватка была железной. От страха я замерла, глядя в его жуткие глаза, в которых была не просто злость — я увидела одержимость, неадекватность. Он был готов на все, лишь бы избежать ответственности.

— Отпусти меня! — крикнула я, наконец-то опомнившись и попыталась вырваться. — Я никуда с тобой не поеду и заявление не заберу! Ты заслужил этот штраф!

— Заберешь! — прошипел он, и его другая рука потяну-

лась ко мне, чтобы схватить за вторую руку и потащить к выходу. — Сейчас же поедешь и все заберешь! А не то я тебе всю эту лавочку твою разнесу! К чертовой матери!

В этот момент, когда его слова повисли в воздухе, а мои попытки вырваться стали отчаянными, за его спиной раздалось громкое, нарочитое, предупреждающее покашливание.

Звук был негромким, но настолько властным, четким и не терпящим возражений, что Витя замер на месте, не выпуская моей руки. Его голова медленно повернулась в сторону диванчика.

Мужчина не встал. Он сидел в той же позе, откинувшись на спинку дивана. Но его осанка изменилась. Из уставшего, отстраненного человека он в одно мгновение превратился в собранного, опасного хищника. Его цепкий взгляд был теперь устремлен прямо на Витю. В тишине кондитерской этот взгляд говорил куда больше любого крика.

Витя, все еще не понимая, с кем имеет дело, но почувствовав исходящую от незнакомца угрозу, разжал пальцы. Я рывком отдернула руку, потирая онемевшее запястье.

— А тебе что надо? — с вызовом, но уже без прежней уверенности бросил Витя в сторону мужчины. — Не в свое дело не лезь! Семейные разборки!

Мужчина медленно поднялся, отчего на его фигуру стало попадать больше света. Он был чуть ниже Вити, но казался выше. Каждый его жест, каждый звук дышал неоспоримой властью.

— Во-первых, — его голос был тихим, но каждое слово врезалось в мозг, — то, что я сейчас видел, семейными разборками не назвать. Это нападение и угрозы уничтожением имущества. Во-вторых, вы причиняете гражданке физическую боль. А в-третьих, — он сделал маленькую паузу, и его серые глаза сузились, — я как раз таки по долгу службы обязан в такое «влезать».

Он не представился, не достал удостоверения. В этом не было нужды. Аура власти исходила от него так явно, что даже опьяненный и разъяренный Витя на мгновение остолбенел. Он смотрел на незнакомца, на его идеально сидящую форму, на его безупречную выправку, и в его глазах промелькнуло сначала недоумение, а затем медленное, холодное понимание и первобытный страх.

Неописуемое напряжение повисло в воздухе. Двое мужчин измеряли друг друга взглядами: один — взбешенный, пьяный и постепенно осознающий свою ошибку; другой — ледяной, собранный, с неоспоримой властью в каждом жесте. Я, затаив дыхание, наблюдала за этой немой дуэлью, потирая онемевшее запястье, на котором уже проступали красные следы от пальцев Вити.

Мужчина в форме не спускал с него глаз, но его рука медленно, почти небрежно опустилась в карман форму. Он достал телефон. Экран холодно блеснул в свете ламп. Его пальцы сделали несколько точных касаний по стеклу. Он не отводил взгляда от Вити, будто пригвождая его к месту одной

лишь силой воли.

— Алло, дежурный? — ни один мускул на его лице не дрогнул. — Игорь Петрович Барышев. Вышлите, пожалуйста, наряд по адресу... — он четко назвал улицу и номер дома, где располагалась моя кондитерская. — Имеет место нарушение общественного порядка, угрозы и нанесение телесных повреждений. Да. Жду.

Он убрал телефон, не меняя выражения лица. Сообщение было доставлено. Приговор вынесен. Четко, быстро, без промедления.

Лицо Вити побледнело буквально на глазах. Он метнул взгляд на дверь, потом на меня, потом снова на прокурора. Инстинкт самосохранения наконец пересилил ярость. Адреналин, что секунду назад толкал его на агрессию, теперь диктовал единственное решение — бежать.

— Я пошел, — пробормотал он, делая неуверенный шаг к выходу. Потом еще один, более резкий, уже почти выходя из-за стойки.

Но Игорь Петрович был начеку. Прежде чем Витя успел сделать третий шаг, прокурор двинулся за ним. Он не бросился наперерез, не загородил путь грубой силой. Он просто прошел несколько шагов и встал между Витей и дверью, заняв позицию чуть в стороне, но полностью контролируя выход. Он не касался его, даже не поднимал руку, но сама его поза — прямая спина, сведенные лопатки, холодный, испытующий взгляд — создавала непреодолимый барьер на пути

к бегству моего муженька.

— Я сказал, оставайтесь на месте, — голос стал тише на несколько тонов. — Не усугубляйте свое положение попыткой к бегству. Ситуация и так для вас крайне невыгодная. Побег с места правонарушения при свидетелях, один из которых — представитель прокуратуры, прибавит вам проблем на порядок больше, чем то, что у вас уже есть. Оцените риски.

Витя замер в двух шагах от выхода, который вдруг стал казаться недостижимым. Он смотрел на этого человека с явным испугом. Он понял, что любое движение теперь будет использовано против него.

Попытка толкнуть его, проигнорировать, прорваться — это был бы уже не просто семейный скандал, а нападение на представителя власти. Он стоял, понутив голову, без прежнего напора и наглости.

Теперь он был просто жалким, затравленным человеком, попавшим в капкан собственной глупости и агрессии. Его плечи ссутулились, а руки беспомощно повисли.

Вскоре снаружи послышался звук подъехавшей машины, скрип тормозов. В дверь вошли два полицейских. Их взгляды сразу же нашли Игоря Петровича, и по их выправке стало ясно, что они понимают, с кем имеют дело.

Короткий, деловой разговор, кивок в сторону Вити, и его, уже без всякого сопротивления вывели из кондитерской. Перед тем как скрыться за дверью, он бросил на меня взгляд,

полный немой ненависти и бессилия.

Дверь закрылась, и наступила тишина, на этот раз по-настоящему оглушительная.

Игорь Петрович повернулся ко мне. В его глазах не было ни осуждения, ни жалости, лишь холодная, профессиональная оценка ситуации.

— Вам стоит написать заявление. По факту угроз, причинения телесных повреждений и незаконного проникновения. То, что произошло сейчас, уже само по себе исчерпывающее основание. Это пригодится и для возможного бракоразводного процесса, и для защиты от дальнейших посягательств с его стороны. Я ведь правильно понял, что это ваш муж, и вы от него ушли?

Я молча кивнула, с трудом находя слова. Силы покидали меня, колени слегка подрагивали. Вся бравость ушла, сменившись пустой, гудящей усталостью. Я все еще чувствовала на руке жгучую полосу от его пальцев.

— Хорошо, — тихо, почти шепотом, сказала я. — Я напишу. Спасибо.

Он кивнул, и его взгляд на секунду смягчился, будто он увидел перед собой не просто пострадавшую гражданку, а измотанную, доведенную до предела женщину. Казалось, он видел мое состояние.

— А теперь о торте, — он снова стал деловым и собранным, давая мне возможность переключиться и прийти в себя. — Мне нужен торт для мальчика семи лет. Что-то ней-

тральное. Без излишеств. Шоколадный бисквит, ванильный крем, возможно. И чтоб не разваливался.

Мы быстро обсудили детали: размер, вкус, надпись. Он оплатил заказ наличными, взял чек, мою визитку и, коротко кивнув, направился к выходу. Дверь закрылась за ним, и я наконец осталась одна в гробовой тишине.

Я медленно, как старушка, опустилась на диван в углу. То самое место, где несколько минут назад сидел прокурор. Голова тяжело откинулась на спинку. Веки смыкались. Казалось, весь мир сжался до размеров этой кондитерской, до гула холодильников и ноющей боли в запястье. Я позволила себе на минуту закрыть глаза, просто сидеть и не думать ни о чем. Просто дышать, пытаюсь заглушить внутреннюю дрожь.

Но покой для меня, видимо, был непозволительной роскошью. Судьба, казалось, решила, что я еще не получила своей дозы унижений и нервных потрясений.

Не прошло и часа, как тишину вновь взорвал оглушительный, яростный удар о дверь. Она с треском распахнулась, ударившись о стену с такой силой, что с полки с визитками упала маленькая фарфоровая статуэтка и разбилась, разбросав по полу острые осколки.

В проеме, как фурия, стояла Маргарита Павловна. Ее лицо было красным от бешенства, глаза горели, а в руках она сжимала свою дорогую кожаную сумочку так, будто хотела ею меня прибить.

— Где мой сын, тварь?! — проревела она. — Что ты с ним

сделала?!

Я медленно поднялась с дивана, чувствуя, как усталость отступает на второй план. Эта женщина больше не могла мной командовать.

— Вашего сына, Маргарита Павловна, увезли в отделение полиции. Туда, где ему и место, — ответила я, на удивление, совершенно спокойно, глядя прямо на свекровь.

Её глаза округлились от неверия, а затем снова наполнились яростью.

— В участок?! Из-за тебя! Это все ты! Ты во всем виновата! Если бы не твои истерики, если бы ты была нормальной женой, ничего бы этого не случилось!

Старая пластинка. Та же песня о том, какая я никчемная. Но теперь эти слова не причиняли боли, лишь вызывали раздражение.

— Он сам виноват, — холодно парировала я. — Он вломился сюда, орал, угрожал и схватил меня за руку. Вот... — я показала на красные пятна на запястье. — Это он. И заявление я пока ещё не писала. Его выходки видел свидетель. Прокурор. Так что ваши обвинения не только голословны, но и глупы.

— Ты врешь! — ее голос сорвался на визг. — Он бы никогда! Ты его спровоцировала! Ты сейчас же поедешь в участок и умолять будешь, чтоб его отпустили! Скажешь, что это недоразумение! Немедленно!

Я покачала головой, сдерживая себя от проявления гнева.

Так захотелось тоже наорать на неё, высказать все, что о ней и ее сыне думаю, но, ясно понимая, что это в данный момент только сыграет против меня, спокойно ответила:

— Нет. Я никуда не поеду. И помогать ему не собираюсь. Вы с сыном оставили меня без гроша в кармане, выгнали из дома и пытаетесь отобрать мою машину. Помогать вам после этого? Увольте.

— Так ты мстишь! — выкрикнула свекровь. — Мстишь нам за то, что столько времени кормили тебя! Пришла к нам с голым задом, без гроша за душой, но как только немного оперилась, сразу нос задрала!

— Нет, — также спокойно ответила я. — Я просто перестала быть вашей жертвой. И теперь вы пожинаете последствия.

Она хотела что-то крикнуть в ответ, но вдруг ее лицо исказилось от боли. Она схватилась за грудь, ее дыхание стало прерывистым и хриплым. Она побледнела и, пошатнувшись, прислонилась к дверному косяку.

— Сердце... — просипела Маргарита Павловна закрывая глаза.

Несмотря на всю свою ненависть, я не смогла остаться в стороне. Я быстро налила в стакан воды и подала ей.

— Выпейте.

Свекровь с трудом сделала несколько глотков, ее руки дрожали. Постепенно цвет вернулся к ее лицу, а дыхание выровнялось. Она медленно опустилась на диван, внезапно

став не злой каргой, а просто пожилой, испуганной женщиной.

— Забери заявление, Олеся, — тихо, уже без прежней агрессии, сказала она. — Прошу тебя. По-хорошему. Он не справится с судимостью. Его карьере конец.

— А какая мне выгода? — спросила я, скрестив руки на груди. — Я заберу заявление, а он через день снова придет сюда и устроит новый скандал? Или, того хуже, вы с ним решите, что мне можно и дальше диктовать условия?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.